

Дмитрий Олегович Данилов, адвокат адвокатского бюро «Феоктистов и партнеры» (Москва)

Сергей Дмитриевич Пархоменко, стажер адвоката адвокатского бюро «Феоктистов и партнеры», магистрант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Уголовная ответственность владельца компании за растрату и иные хищения

В ЭТОЙ СТАТЬЕ:

- Можно ли прилечь к уголовной ответственности владельца компании за вывод активов
- Всегда ли в недобросовестных действиях участника общества можно усмотреть состав присвоения или растраты

В последнее время особую актуальность приобрел вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве хищения действия единственного владельца¹ компании, направленные на изъятие и обращение в свою пользу ее имущества. В теории и на практике можно встретить разные мнения.

Аргументы «за»

Сторонники вменения хищения полагают, что признаки данного деяния — «чужое иму-

щество» и «противоправность» — следует толковать в строгом соответствии с положениями гражданского права, регулирующими вещные и корпоративные правоотношения. Организации являются собственниками имущества, приобретенного ими (п. 3 ст. 213 ГК), имущество юридических лиц обособлено от имущества их учредителей (п. 1 ст. 48 ГК), учредители не сохраняют право собственности на имущество, переданное юридическому лицу, но приобретают право на соответствующую долю в уставном капитале,

¹ Здесь и далее, используя слова «владелец», «бенефициар», «участник» и т. п., если не будет указано иное, мы подразумеваем именно единственного владельца компании либо несколько собственников, которым в совокупности принадлежит вся компания.

номинальная и (или) реальная стоимость которой увеличивается в связи с передачей имущества.

Значит, по мнению коллег, юридически имущество компании является для бенефициара чужим. При этом участник корпорации обязан не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации (п. 4 ст. 65.2 ГК). Нарушение этой обязанности образует признак противоправности хищения².

Судебная коллегия по уголовным делам Второго КСОЮ, сославшись на вышеуказанные нормы гражданского права, отметила: «...собственником имущества юридического лица является само юридическое лицо, и это обстоятельство необходимо было учитывать при решении вопроса о наличии либо отсутствии признаков хищения при квалификации преступных действий, которыми потерпевшему причинен имущественный ущерб» (определение от 13.01.2021 по делу № 77-250/2021).

Аргументы «против»

Оппоненты признания действий бенефициара хищением уверены: при определении содержания признаков «чужое имущество» и «противоправность» нельзя строго следовать гражданскому законодательству, поскольку это приводит к существенным логическим противоречиям.

Г.А. Есаков недоумевает: если в понятии хищения термин «имущество» трактуется по-иному в сравнении с ГК (ст. 128), то почему понятие «собственник или иной владелец» должно получать здесь гражданско-правовое наполнение?³

В продолжение этого тезиса можно добавить, что законодатель порой не просто придает гражданско-правовым терминам иное значение в уголовном праве, но и вводит отдельные «гражданско-правовые» термины специально для уголовного права — например, право на имущество.

ИЗ ПРАКТИКИ. В практике высшей судебной инстанции авторы настоящей статьи встретили лишь одно давнее дело, где предметом рассмотрения была схожая проблематика.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что при осуждении директора товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО) МП «Белконтракт», который заявлял себя собственником имущества данной организации, по ст. 160 УК нижестоящие суды должны были выяснить вопрос о праве собственности на имущество товарищества для правильного установления обстоятельств происшедшего, виновности либо невиновности, поскольку к уголовной ответственности по ст. 160 УК может быть привлечено лицо за присвоение или растрату только чужого имущества, вверенного виновному (надзорное определение от 18.12.2002 № 18кпн02-46пр).

Несмотря на то, что аналогичных дел в практике Верховного Суда РФ больше не нашлось, нижестоящие инстанции регулярно сталкиваются со схожими ситуациями. При этом суды часто не признают обсуждаемые случаи хищениями.

ИЗ ПРАКТИКИ. Президиум Смоленского областного суда не согласился с выводами суда первой инстанции, который признал возбуждение уголовного дела законным. При этом президиум указал, что «не дано судом оценки и доводам стороны защиты о том, что Ш.В.В. является единственным участником ООО <В>, а значит, любое расходование им денежных средств, находившихся на счетах организации, не может квалифицироваться как хищение денежных средств путем растраты» (постановление от 19.12.2018 по делу № 44-у-93/2018).

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда указала, что подсудимый, являясь единственным учредителем и руководителем общества, не может нести уголовную ответственность за негативные последствия, наступившие для этого юридиче-

ского лица в результате исполнения им своих управленческих функций (апелляционное определение от 22.01.2021 по делу № 22-81/2021).

Центральный районный суд г. Твери и судебная коллегия по уголовным делам Тверского областного суда, обсуждая вопрос о возвращении прокурору уголовного дела о хищении Н., единственным участником ООО «Т», имущества данной организации, отметили, что «в обвинительном заключении нет описания основных признаков присвоения, а именно не указано, хищение чьих денежных средств осуществил Н., который являлся и учредителем, и директором ООО «Т» и имел право распоряжаться имуществом и денежными средствами общества» (постановление от 04.12.2017 по делу № 1-5/2017, апелляционное постановление от 29.01.2018 по делу № 22-150/2018).

Доводы гособвинителя о том, что ООО «Т» является самостоятельным субъектом предпринимательской деятельности, суды посчитали несостоятельными.

Как видим, в приведенных примерах суды исходили из посылки: «единственный участник не может украсть из своего кармана — подконтрольного общества».

Мнение авторов статьи

Авторы данной статьи также считают, что изъятие и обращение в свою пользу имущества компании ее бенефициаром не образует состава хищения.

Например, Д.О. Данилов полагает, что единственный участник общества не является собственником его имущества, но у него имеется предполагаемое право на данное имущество.

Законодатель иногда вводит отдельные «гражданско-правовые» термины специально для уголовного права — например, право на имущество

Согласно абз. 2 п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — Постановление № 48), от хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу чужое имущество, действовало в целях осуществления своего предполагаемого права на это имущество.

Под предполагаемым правом понимается такое право, которое не принадлежит в действительности субъекту на законном основании, но на которое он ошибочно рассчитывает. При этом расчет лица обязательно должен иметь какие-либо объективные предпосылки (приговоры Вуктыльского городского суда Республики Коми от 06.08.2014 по делу № 1-44/2014, Тверского районного суда г. Москвы от 02.12.2016 № 1-348/2016, Ангарского городского суда Иркутской области от 25.12.2020 № 1-467/2020; апелляционное определение ВС Кабардино-Балкарской Республики от 07.06.2019 по делу № 22-474/2019; постановления Московского городского суда от 30.09.2011 № 4у/2-7257, Ленинского районного суда г. Саранска от 09.09.2021 по делу № 1-249/2021).

Такая предпосылка, по мнению Д.О. Данилова, в случае изъятия единственным участником имущества своей компании

2 Яни П.С. Значение запрета злоупотребления правом участниками гражданского оборота для квалификации хищений // Законность. 2021. № 11. С. 30–35.

3 Есаков Г.А. Бенефициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. 2016. № 4. С. 29–35.

заключается в том, что он в соответствии с п. 2 ст. 61 ГК в любой момент может принять решение о ликвидации организации и по ее окончании получить в соответствии с п. 8 ст. 63 ГК все имущество этой организации, оставшееся после расчета с кредиторами.

Другой автор статьи, С.Д. Пархоменко, считает, что наличие предполагаемого права не может служить надлежащим аргументом, поскольку:

а) бенефициар может быть знаком с положениями гражданского и корпоративного права и осознавать, что имущество ему юридически не принадлежит, что исключает наличие у него предполагаемого права;

б) наличие кредиторской задолженности у общества лишает единственного участника предполагаемого права на все имущество компании при ее ликвидации.

В этой связи С.Д. Пархоменко предлагает исходить из того, что единственный участник никогда не может действовать против воли компании, то есть противоправно. Так, в качестве обязательного элемента противоправности Н.А. Лопашенко выделяет следующее: «...виновный завладевает чужим имуществом помимо и вопреки воле собственника или законного владельца. Сказанное означает, что у лица не только отсутствуют права на чужое имущество, но и завладение им оно производит, нарушая действительное волеизъявление потерпевшего»⁴.

Приведенная теоретическая позиция нашла отражение в п. 24 Постановления № 48. В данном пункте говорится, что и присвоение, и растрата представляют собой действия, совершаемые против воли собственника имущества.

Что же представляет собой воля юридического лица, владельцем которого юридически или фактически является один человек? Полагаем, это не что иное, как воля этого участника. Именно он прямо или

опосредованно решает, для чего компания существует, определяет структуру ее органов управления, назначает управляющих лиц и принимает устав. Именно он может в любой момент ликвидировать общество. Такую же позицию отстаивает И.А. Клепицкий: «...организация — это придуманный людьми субъект права, в действительности у нее нет мозга, сознания и воли, не может быть и интереса»⁵.

Если же исходить из того, что у компании есть своя воля, основанная на каком-то собственном интересе, отличном от интереса ее единственного участника, то получается, что и распределение прибыли, и ликвидация юридического лица с последующим распределением его имущества в той же степени являются хищением — ведь в интересах компании сохранить свое имущество и уж тем более продолжить существование.

Разграничение растраты и других преступлений

Усложним ситуацию с выводом активов компании ее единственным участником: предположим, что у компании имеются кредиторы — налоговый орган, контрагенты, бывшие работники и т. д. По мнению Р.О. Долотова, в таком случае компанию нельзя рассматривать как «кошелек» ее единственного участника — она является «самостоятельным субъектом со своим собственным набором вещных и обязательственных прав», в связи с чем имущество компании для учредителя является чужим⁶.

Но всегда ли в недобросовестных действиях участника компании можно усмотреть состав присвоения или растраты, а не иных уголовно наказуемых деяний? На наш взгляд, нет. И вот почему.

Если бенефициар выводит активы из компании, он это делает, как правило, чтобы не допустить взыскания имущества компании по ее обязательствам перед кредитором

ми; чтобы продать доли, акции компании с «завышенным» балансом, уменьшить стоимость доли другого участника. Поэтому вред от содеянного причиняется не компании, а другим субъектам экономической деятельности. Такая позиция стала прослеживаться в судебной практике.

Если бенефициар выводит деньги из компании, то, как правило, вред причиняется не ей, а другим субъектам экономической деятельности

ИЗ ПРАКТИКИ. Ч., гендиректор ООО «П» (управляющая компания в сфере ЖКХ), после получения от жильцов денежных средств в качестве оплаты коммунальных услуг не стал погашать за их счет задолженность перед ООО «Теплосеть» за тепловую энергию, а потратил на иные нужды ООО «П». Ч. был обвинен в совершении растраты в отношении ООО «П» (ст. 160 УК). Ачинский городской суд Красноярского края возвратил дело прокурору. Единственный участник этой компании был подставным лицом, в связи с чем суд отметил, что «орган предварительного следствия не проверил, кто и с какой целью вводил в состав учредителей ООО УК «П» <Ф. И. О. З>». Не устроил суд и тот факт, что потерпевшим от растраты денежных средств ООО «П» был признан его контрагент ООО «Теплосеть» (постановление Ачинского городского суда Красноярского края от 26.04.2017 по делу № 1-120/2017).

С позицией суда нельзя не согласиться. Если не удастся установить преднамеренность неисполнения договорных обязательств, то уклонение от погашения задолженности перед контрагентом нельзя квалифицировать как растрату имущества своей компании. Это при наличии достаточных к тому оснований будет охватываться составами преступлений, предусмотрен-

ных ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности), ст. 196 УК (преднамеренное банкротство) или ст. 195 УК (неправомерные действия при банкротстве).

Нередки случаи, когда происходит подмена одного хищения другим — хищением у своей компании.

ИЗ ПРАКТИКИ. Х., являясь фактическим владельцем ООО «Р», планировал продать свою фирму банку «Ф». Однако перед продажей он вывел активы своей фирмы (ценные бумаги), заменив их векселем другой полностью подконтрольной ему компании, не способной исполнить обязательства по нему, и скрыл переход активов от покупателя фирмы. Дорогомиловский районный суд г. Москвы счел, что в действиях Х. есть состав присвоения имущества своей компании (приговор от 13.07.2020 по делу № 1-22/2020).

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда изначально переквалифицировала эти действия на ст. 165 УК (апелляционное определение от 16.10.2020 по делу № 10-17312/2020), но после отмены апелляционного определения Вторым КСОЮ приговор был оставлен без изменения (апелляционное определение Московского городского суда от 22.03.2021 по делу № 10-2082/2021).

4 Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 99.

5 См.: Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2021. С. 292.

6 Долотов Р.О. Уголовная ответственность акционеров/участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60–66.

Трудно согласиться с позицией судов, поскольку в данном случае происходит очевидная подмена одного состава другим. Описанные в фабуле действия — это исключительно мошенничество в отношении банка «Ф» с обманом в качественных свойствах продаваемого предмета, которое было вменено Х. и К. наряду с данным деянием. С учетом приведенных в настоящей статье аргументов представляется, что состав присвоения здесь вменен излишне, так как Х. действовал по предполагаемому праву и в соответствии с волей ООО «Р» как его «фактический владелец».

Хищения в финансовых организациях

Схожие сложности с установлением истинного потерпевшего при выводе активов бенефициаром компании возникают в уголовных делах, связанных с хищениями в банках и иных финансовых организациях.

Допустим, бенефициар, председатель правления банка и другие лица вывели денежные средства из кредитной организации путем предоставления займов по мнимым кредитным договорам в пользу аффилированных лиц. Потерпевшим по таким делам чаще всего признают банк. Однако суды Москвы стали считать, что на стадии предварительного расследования нужно устанавливать, чьи денежные средства оказались похищенными: банка или клиентов кредитной организации.

Суды мотивируют свою позицию следующим образом:

«В случае обвинения лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, в обвинительном заключении должны содержаться среди прочего сведения о собственнике имущества, против воли которого это имущество было растрчено, а также факт вверения собственником данного имущества лицу, обвиняемому в совершении преступления.

По делу установлено, что согласно обвинительному заключению <Ф. И. О.> обвиняется в растрате имущества путем заключения кредитных договоров с компаниями, ему подконтрольными, и последующего перечисления денежных средств Банка на расчетные счета подконтрольных <Ф. И. О.> юридических лиц. В предъявленном <Ф. И. О.> обвинении прямо указано, что последний является одновременно акционером и фактическим собственником Банка.

Приведенный в обвинительном заключении в качестве доказательства устав Банка предусматривает, что кредитные ресурсы банка формируются за счет: собственных денежных средств Банка, денежных средств юридических лиц, находящихся на счетах в Банке, в том числе средств, привлеченных в виде срочных вкладов (депозитов), денежных средств физических лиц, привлеченных во вклады на определенный срок и до востребования, кредитов, полученных в других банках, иных привлеченных средств.

При описании действий, направленных на совершение растраты денежных средств путем заключения конкретных кредитных договоров с подконтрольными К. юридическими лицами, отсутствует указание на конкретные источники, за счет которых были сформированы кредитные ресурсы Банка, и в итоге на тех конкретных собственников денежных средств, за счет которых были выданы денежные средства подконтрольным <Ф. И. О.> юридическим лицам.

В связи с необходимостью доказывания при обвинении в совершении преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, факта вверения виновному растрчиваемого имущества собственниками этого имущества, а также факта выбытия данного имущества против воли собственника установление не только законных владельцев, но и собственников данного имущества относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ и подле-

жит отражению в обвинительном заключении.

При указанных обстоятельствах наличие в обвинительном заключении противоречивых сведений о собственнике имущества, которое, согласно обвинительному заключению, было растрчено путем заключения кредитных договоров с подконтрольными К. юридическими лицами, грубо нарушает требования ст. 220 УПК РФ и лишает суд возможности вынести на основании данного обвинительного заключения законное и обоснованное решение» (постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 16.03.2017 по делу № 1-111/2017; также см. апелляционное постановление Московского городского суда от 16.05.2017 по делу № 10-7129/2017; постановление Никулинского районного суда г. Москвы от 16.12.2019 по делу № 1-43/2019; апелляционное постановление Московского городского суда от 12.03.2020 по делу № 10-5412/2020).

Таким образом, на практике формируется мнение о том, что хищение бенефициаром у своей же компании — оксюморон, а правоприменителям нужно устанавливать

При доказывании растраты нужно установить и указать в обвинительном заключении не только владельцев имущества, но и его собственников

реальное, фактическое наполнение правоотношений по расследуемому событию, а также истинного потерпевшего от действий недобросовестного участника хозяйственного общества. ■

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Долотов, Р.О. Уголовная ответственность акционеров/участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. — 2017. — № 1.
- 2 Есаков, Г.А. Бенефициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. — 2016. — № 4.
- 3 Клепицкий, И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. — М., 2021. — 984 с.
- 4 Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность: монография. — М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 528 с.
- 5 Яни, П.С. Значение запрета злоупотребления правом участниками гражданского оборота для квалификации хищений // Законность. — 2021. — № 11.

ЗАПОМНИМ

- ✓ Изъятие и обращение в свою пользу имущества компании ее бенефициаром не образует состава хищения
- ✓ Нередки случаи, когда происходит подмена одного хищения другим — хищением у своей компании
- ✓ Если не удастся установить преднамеренность неисполнения договорных обязательств, то уклонение от погашения задолженности перед контрагентом нельзя квалифицировать как растрату имущества своей компании